

Патриотические и вольнолюбивые мотивы в лирике Пушкина.

Подготовили
ученицы 10 класса «Б»
Уртенкова Полина
Шибанкова Евгения

Александр Сергеевич Пушкин стал родоначальником той великой русской классической литературы, которая сильна своей духовностью, гуманностью, своей верой, надеждой и любовью. Верой в добро и справедливость, надеждой на Россию и ее народ, любовью к безграничному миру и к жизни во всех ее проявлениях.

Его творчество – уникальное явление. Вбирая в себя все предшествующие литературные эпохи, оно завершает процесс развития литературы своего времени и в то же время, создавая новый язык, рождая новые темы и жанры, стоит у истоков современной русской литературы, открывая дорогу в будущее.

Свободолюбивая лирика

Одна из важнейших тем лирики Пушкина – тема свободы. Уже в стихотворениях 1817-1819 гг. свобода становится высшим общественным благом – предметом "похвального слова" ("хочу воспеть Свободу миру"), то целью, к которой устремлен поэт вместе с друзьями-единомышленниками ("звезда пленительного счастья"), то шагом от заблуждений и суетной жизни к "блаженству" истины и мудрости ("Я здесь, от суетных оков освобожденный / Учуся в Истине блаженство находить"), то смыслом поэтической "жертвы" ("Свободу лишь учася славить, / Стихаем жертвуя лишь ей") и обозначением душевного состояния поэта ("тайная свобода").

Тема «вольности святой» волновала А. С. Пушкина всю его жизнь, она проходит через все его творчество. Вольнолюбивые стихотворения писались им с небольшими перерывами, но достаточно регулярно (ода «Вольность» — 1817, «К Чаадаеву» — 1818, «Свободы сеятель пустынный...» — 1823, «Птичка» — 1823, «Во глубине сибирских руд...» — 1827, «Анчар» — 1828, «Памятник» — 1836). Итак, попытаемся разобраться, чем же в понимании Пушкина является вольность.

Вольность

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор -
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде несправедная Власть
В сгущенной мгле предассуждений
Воссела - Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон - а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон - народ молчит,
Падет преступная секира...
И се - злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий среди тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец -

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит - в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

- В этом отношении программным произведением поэта, как мне кажется, является ода «Вольность». Написана она вскоре после того, как молодой Пушкин приезжает из Царскосельского лицея в Петербург. Василий Львович, его дядя, вводит будущего великого поэта в столичные литературные кружки, где Пушкин знакомится с вольнолюбивыми людьми. Под впечатлением общения с ними в 1817 году молодой поэт пишет свое первое, но очень важное стихотворение, пронизанное свободолюбивыми мотивами.
- Написана «Вольность» в традиционной форме оды, однако к концу XVIII — началу XIX века она уже устарела и подобных хвалебных песен почти никто не пишет. Был, правда, придворный одописец граф Хвостов, сочинявший оды едва ли не каждый день (повод-то всегда можно найти), которого Пушкин не любил и на которого написал не одну эпиграмму (упоминание имени графа можно найти и в «Медном всаднике»).
- Тексты, обращавшиеся в вольной поэзии, имеют самые неожиданные и грубейшие неисправности: встречаются контаминации текстов разных произведений в одно, отрывки фигурируют в качестве отдельных произведений, целые произведения в качестве отрывков и пр. Особенно устойчиво бытование в качестве отдельного произведения отрывка из элегии «Андрей Шенье» под заглавием «На 14 декабря».
- Итак, Пушкин пишет оду. Его новаторство заключается в том, что он восхваляет не царя, не какую-то конкретную личность, а нечто абстрактное — Вольность. Царей же, которых раньше в одах прославляли, поэт выставляет «тиранами», «увенчанными злодеями». Пушкин показывает сцены убийств Людовика XVI и Павла I. На примере этих двух монархов поэт отчетливо дает понять, что и большинство остальных царей — тираны и злодеи. Но, в отличие от злодеев «простых», корона придает царям статус героев, и их злодейства и тирания превращаются в нечто героическое. Тираны, в понимании Пушкина, — люди, подчиняющие себе других людей, порабащивающие их волю.

Причем Вольность нужна всем, как крестьянам, так и дворянам. Ведь если дворяне лично свободны, то морально они порабощены, ибо каждый шаг их должен быть согласован с придворным этикетом. Кроме того, Вольность требует свободы творчества и вообще духовной свободы. Ведь для творческого человека духовная несвобода страшнее несвободы личной.

... Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...

Это едва ли не главная строфа во всем стихотворении. Она вносит ясность во все воззрения поэта. Да, наследниками становятся благодаря природе: родиться в царской семье — невеликая заслуга. Осознать свою ответственность за народ, за своих подданных, осознать свое избранничество — вот задача монарха. Лишь свершив ряд благодеяний, наследник становится Монархом, наместником Бога на земле. Таким образом, превращение наследника в Монарха происходит только благодаря Закону. И никому: ни народу, ни царю — нельзя проявлять Вероломства, то есть нарушать Закон. Иначе будут происходить все те несчастья, беспорядки, которые описывает Пушкин.

Главная мысль оды -- протест против абсолютизма. "Вольность" распространялась в списках. Весной 1820 г. она дошла до правительства и явилась одной из причин ссылки Пушкина.

«К Чаадаеву»

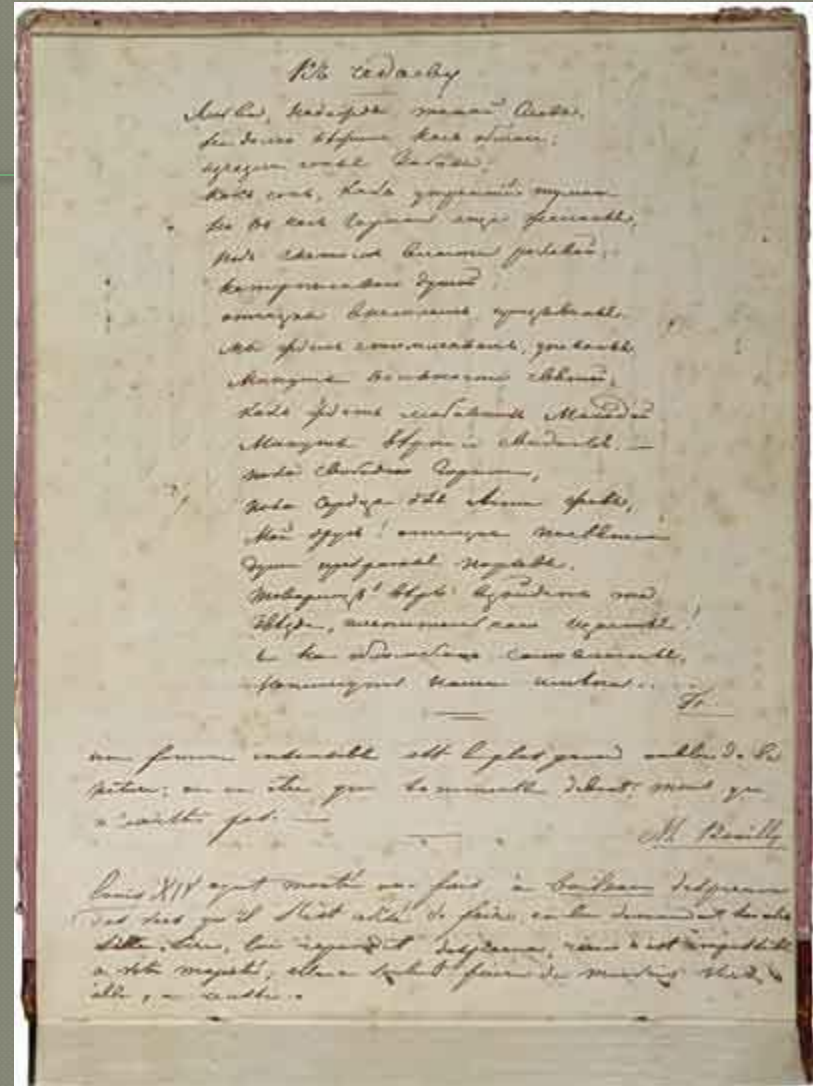
Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Послание адресовано старшему другу Пушкина. Он познакомился с П.Я. Чаадаевым (1794-1856) в 1816 г. Если поэт был еще лицеистом, то Чаадаев закончил Московский Университет, после чего, поступив на военную службу, участвовал в Отечественной войне (в бородинском, тарутинском, Лейпцигском и других сражениях). Несмотря на разницу жизненного опыта, в их воззрениях, в том числе общественно-политических, было много общего. Дружбу с Чаадаевым Пушкин называл «счастьем».

Стихотворение имеет около 70 вариантов и разночтений. Рукопись Пушкина не сохранилась, и авторство его иногда оспаривается. Версия, канонизированная пушкинистами, печатается по так называемой копии А. В. Шереметева. Стихотворение часто относят к 1818, поскольку оно связано с речью Александра I на Польском сейме 15 марта 1818 г. Пушкин не верил либеральным обещаниям царя, а также в мирное введение конституционного правления в России. Стихотворение было напечатано Михаилом Бестужевым-Рюминым в 1827 г. в альманахе «Сириус» в виде короткого отрывка (4 строки). Затем он же опубликовал его в альманахе «Северная звезда» в 1829 г., так же в искаженном виде. Стихи «Товарищ, верь...» и следующие были выпущены. Пушкин выразил своё недовольство по этому поводу. Стихотворение обращено к Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794—1856) — русскому философу и другу Пушкина, с которым они познакомились в доме Никиты Михайловича Карамзина. Пушкин писал его фамилию Четаев. Чаадаев был участником Бородинского сражения, с 1816 служил офицером лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе, был членом масонской ложи. В 1821 г. он вступил в тайное общество декабристов, но участия в его делах не принимал. В том же году вышел в отставку.

«Анчар»

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей

Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

«Анчар».

Черновой автограф. 1828 г. ++++

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Возвратившись из своей ссылки, Александр Пушкин понимает, что его мечтам о свободном творчестве не сбыться, так как тайные агенты следят за каждым его шагом и его произведения подвергаются цензуре.

В 1828 году против Александра Пушкина возбуждают дело с обвинением в написании противоправительственного произведения «Андрей Шенье» и безбожной поэмы «Гавриилиада»: эти обстоятельства личной жизни и послужили поводом для создания аллегорического стихотворения «Анчар».

В основе сюжета Александр Пушкин использовал полулегендарные рассказы о существовании на острове Ява Яловитого дерева Анчар: путешественники рассказывали, что это дерево отравляет окрестный воздух, и сок его смертелен. Вожди местных племен посылали приговоренных к смертной казни собирать ядовитую смолу анчара, которую употребляли для отравления стрел.

Поэт использовал эти рассказы о ядовитом дереве, чтобы создать образ неограниченного деспота, несущего смерть и уничтожение всему живому.

Стихотворение "Анчар" полностью посвящено изображению мира зла. Это самое суровое стихотворение в творчестве Пушкина. Здесь поэт задумал собрать воедино все черты зла и придать им обобщенный характер.

Прочитав первое четверостишие, следует выделить в последнем стихе числительное "один". Все изученные нами до сих пор стихотворения Пушкина, в той или иной форме, посвящены были радости единения людей. Их темами были: любовь, дружба, веселье, пиры. Нигде герой стихотворения не представал изолированным от мира и враждебным миру. Даже там, где ему предстояло вступить в борьбу, прежде всего выделялось братство, товарищество, дружба - объединение людей света в борьбе с тьмой, людей свободы в борьбе с рабством. Первое, что мы узнаем об анчаре, это то, что он один.

Анчар - "древо ада", как пояснил сам Пушкин, становится в стихотворении воплощением всеобщего зла. В первой строфе следует обратить внимание на мир, окружающий его.

«Арион»

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

16 июля 1827

Своим взглядам, идейно объединявшим поэта со всей передовой Россией, Пушкин не изменил ни в ссылке, ни после разгрома декабристов. Об этом говорят написанные в 1827 году стихи «В Сибирь» и «Арион».

С женой декабриста Муравьёва, уезжавшей в 1827 году к мужу, сосланному в числе других в Сибирь, Пушкин отправил послание своим опальным друзьям. Этот поступок был проявлением высокого мужества поэта, так как после жестокой расправы царя с декабристами даже самые близкие родные и друзья старались не поддерживать с ними сношений. В послании «В Сибирь» Пушкин с огромной поэтической силой высказал мысль о великом историческом значении дела декабристов, призывал их к мужественному терпению и выражал надежду на близкую революцию, которая освободит сосланных на каторгу друзей:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут—и свобода

Вас примет радостно у входа...

Насколько для декабристов был дорог этот привет поэта, показывает их ответное стихотворение, написанное декабристом А. И. Одоевским:

Струн вещей пламенные звуки

До слуха нашего дошли.

К мечу рванулись наши руки,

Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард, цепями,

Своей судьбой гордимся мы

И за затворами тюрьмы

В душе смеёмся над царями.

Одоевский в ответе Пушкину выразил твёрдую уверенность декабристов в том, что дело, начатое ими, не заглохнет: «из искры возгорится пламя».

В том же 1827 году, отправив своё послание «В Сибирь», Пушкин написал ещё одно стихотворение, посвящённое декабристам,— «Арион». Так как оно предназначалось для печати, то поэт прибегнул к аллегорической (иносказательной) форме.

Для выражения своих мыслей и чувств Пушкин использовал древнегреческую легенду о поэте и музыканте Арионе. Арион плыл на корабле в открытом море.

Корабельщики хотели убить его, чтобы завладеть его богатствами. Арион упрямил их позволить ему спеть перед смертью песню. Закончив пение, он сам бросился в волны. Но дельфин, привлечённый его пением, вынес его на своей спине на берег.

Чудом спасшийся Арион — это Пушкин. Поэт говорит о себе как о певце декабризма, пропагандисте декабристских идей.

Пловцы в челне — это дружный коллектив декабристов, членом которого изображён и сам поэт.

В картине налетевшей бури и её последствий поэт рисует восстание декабристов, его разгром и трагическую судьбу его руководителей и участников. Случайно спасшийся певец остался верен своим товарищам, их делу: «Я гимны прежние пою»,— заявляет о себе поэт.

В соответствии с содержанием стихотворения Пушкин применяет старинные слова, звучащие более торжественно, чем обычные: кормщик (кормчий — рулевой), лоно волн, гимны (торжественные песни), риза (вместо одежда). Силу и сплочённость декабристов, их настойчивое стремление достичь своей цели подчёркивают такие словесные образы, как «иные парус напрягали, другие дружно упирали вглубь мощны вёсла».

Герцен так писал о времени, наступившем после разгрома декабристов: «Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений. Эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящие и посылала свой голос отдалённому будущему».

Где спорю вслух, где чувствую живее,

И где мы все, прекрасного друзья,

Чем вялые, бездушные собранья...

Так пишет он в 1819 году своему лицейскому товарищу Горчакову. Пушкина объединяло с его лицейскими друзьями кипение ума, вольность мысли, живые чувства, любовь к прекрасному, к искусству. Такого типа дружба, выросшая на основе общих идейных интересов,— самая высокая и глубокая.

В стихотворном послании к Чаадаеву в 1821 году Пушкин посвящает ему такие строки:

Ты был целителем моих душевных сил...

Ты другу заменил надежду и покой;

Во глубину души вникая строгим взором,

Ты оживлял её советом иль укором;

Твои жар воспламенил к высокому любовь...

«Воспоминания о царском селе»

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.
В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.
Воображаю день счастливый,
Когда среди вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.
И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев

У посвященных им столпов,

Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,

Перун кагульских берегов.

Вот, вот могучий вождь полунощного флага,

Пред кем морей пожар и плавал и летал.

Вот верный брат его, герой Архипелага,

Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний

Я с детских лет здесь возрастал,

А глухо между тем поток народной брани

Уж бесновался и роптал.

Отчизну обняла кровавая забота,

Россия двинулась, и мимо нас летят

И тучи конные, брадатая пехота,

И пушек светлый ряд.

На юных ратников завистливо взирали,

Ловили с жадностью мы брани дальный звук,

И, негодуя, мы и детство проклинали,

И узы строгие наук.

И многих не пришло. При звуке песней новых

Почили славные в полях Бородина,

На Кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,

Вблизи Монмартра

- Стихотворение несет черты как элегии, так и оды. Лирический герой созерцает памятники Царского Села: Чесменскую колонну в память о победе русского флота над турками в 1770 году, обелиск в честь победы армии Румянцева над турками при Кагуле в 1790 году — и вспоминает славных полководцев екатерининской эпохи, их победы и поэтов, которые их воспевали.
- Затем герой думает о новом веке, новой военной угрозе, потрясшей Россию: вторжение Наполеона в Россию, неотвратимое движение всепоглощающей французской армии, на пути которой встает русская армия, битва при Бородине, сгоревшая Москва, изгнание французов и покорение Парижа, причем вместо мщения за Москву Россия несет Франции и всей Европе мир. Стихотворение заканчивается обращением к поэту нового времени — «скальду России» Жуковскому — с призывом воспеть новые победы.
- В стихотворении отчетливо заявлена высокая роль поэта в обществе: каждой эпохе нужны не только полководцы и ратники, но и поэты, которые вдохновляют героев на подвиги.
- История создания
- «Воспоминания в Царском Селе» были написаны в октябре — ноябре 1814 года для чтения на публичном экзамене при переходе с младшего трехлетнего курса Царскосельского лицея на старший. Когда стало известно, что на экзамене будет присутствовать Державин, учитель словесности Галич предложил Пушкину, уже регулярно публиковавшему свою лирику, написать достойное такого события стихотворение. За несколько дней до экзамена министр просвещения Алексей Разумовский потребовал, чтобы при нем провели «репетицию». Тогда-то Пушкин впервые продекламировал «Воспоминания в Царском Селе».